

Олег Блоцкий

Стрекозел

Часть сборника
Предатель стреляет в спину
(сборник)

Олег Блоцкий
Стрекозел

«ЭКСМО»

2013

Блоцкий О. М.

Стрекозел / О. М. Блоцкий — «Эксмо», 2013

Лейтенант Стрекозов с первых дней службы в Афганистане показал себя предельно жестким, но справедливым офицером. Однажды во время боевой операции Стрекозов заметил, как его непосредственный начальник капитан Демеев вместе с солдатами жестоко расправляется с мирными афганцами и занимается мародерством. О преступлении Стрекозов докладывает капитану Баранову, однако этот офицер оказывается сообщником Демеева, и, чтобы убрать свидетеля, Баранов посылает взвод Стрекозова на верную гибель...

© Блоцкий О. М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1. Старики	5
2. Стрекозов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Олег Блоцкий

Стрекозел

1. Старики

Они вышли из щелистого, узкого проулка и в нерешительности остановились, внимательно присматриваясь к дувалу, за стенами которого укрылся взвод Стрекозова.

– Бабаи, товарищ лейтенант, бабаи! – крикнул конопатый Абрамцев со стены и пальцем затыкал в сторону кишлака.

Взвод зашевелился. Кое-где звякнуло оружие. Легкая зыбь всколыхнула солдат, сидящих группками на земле.

– Сколько? – спросил высокий и крепкий лейтенант с биноклем на груди, поднимаясь на ноги.

– Двое, без оружия. Стоят, как памятники, в нашу сторону зырят. Идти боятся.

– Муха! – Махнул взводный своему заместителю. – Пусть зайдут сюда.

Тонкий юркий Мухамадиев вкрадчиво, по-кошачьи, скользнул к массивным грубым дверям, вмурованным в стену, и потянул их на себя за крупное железное кольцо. Черная кудлатая голова (сержант готовился к дембелю, а поэтому отращивал волосы) исчезла в проеме. Таджик отрывисто и даже, казалось, просяще крикнул что-то афганцам.

Старики появились во внутреннем двореке прямоугольной формы, который спасало от зноя невысокое ветвистое дерево с широкими сочными листьями. Дверь за афганцами тут же захлопнулась. Они вздрогнули и оглянулись. Мухамадиев что-то ободряюще сказал, слегка улыбнулся, но при этом быстро и легко провел руками по их просторным одеждам.

– Пустые, – сказал он и отошел в сторону.

Солдаты, из тех, кто сейчас не охранял взвод, все ближе подтягивались к афганцам, заходя за их спины. Полукольцо все туже охватывало стариков. Пауза становилась томительной, грозной. Афганцы растерянно осматривались по сторонам и с покорностью глядели на командира.

– Все по местам, – приказал Стрекозов и запрокинул голову. – Эй, наверху, усилить наблюдение! Нечего сюда паялиться.

Солдаты, лежащие на стенах, исчезли. Лейтенант движением руки пригласил стариков и сержанта к плащ-палатке, расстеленной на земле.

Разговор завязывался постепенно, как вода в котелке, нехотя закипающая на медленном огне.

Стрекозов спрашивал, Мухамадиев переводил, старики бормотали односложно и монотонно.

В кишлаке никого нет. Все спрятались – убежали в горы. Еще ночью. Люди знали, что на рассвете здесь будут шурави. Каравана тоже нет. Он за перевалом. Сегодня и завтра он здесь не пройдет. Но как только шурави уйдут, люди вернутся в кишлак, а караван двинется дальше.

– Эти почему не ушли? Шпионят? – Стрекозов испытующе оглядывал гостей.

А те, ни на секунду не сводя с взводного темных потухших глаз, которые казались пустыми провалами под белыми кустистыми бровями, достали какие-то небольшие книжечки и все пытались сунуть их в руки Стрекозову.

– Они старые. Но главное – их сыновья служат в армии у Кармалы. Офицеры, как и вы.

Уловив знакомое слово «Кармаль», старики закачали чалмами, прикасаясь тонкими жилистыми пальцами к маскхалату Стрекозова.

– Сахи аст, сахи. Баче э ма дар урду э Афганистон хидмат миконад.

– Что они там долдонят?

– Клянутся, что сыновья в правительственной армии, «зеленые».

– А кишлак духовский?

– Духовский, – согласился Муха и моментально продолжил, предугадывая очередной, вполне справедливый вопрос взводного, – но это ничего не значит. Стариков никто не трогает. Вот если бы их дети сюда пришли, тогда точно – застрелили бы или кожу с живых содрали. А отец при чем? Он не виноват, что сын офицер. Вот и живут спокойно. Никто их не обижает.

– Везде так? – не поверил Стрекозов.

– Да, – уверенно сказал Мухамадиев и закусил припухшую, в трещинах, нижнюю губу.

Чувствовалось, что он полностью доверяет старикам и сейчас на их стороне.

– В каждом кишлаке люди такие есть. Если все ушли, кроме некоторых, значит, их родственники в армии, ХАДе или Царандое. От этого они и не боятся нас, не прячутся. Помните, две недели назад мы на войну в Рабат ходили? Перед ним кишлачок был маленький? Помните старого афганца – бобо, возле дувала с кувшином молока? Подходи, пей.

– Помню.

Старик в грязной чалме с коричневым лицом, изъеденным морщинами, сидел, подвернув под себя ноги, у самого входа в кишлак. Перед афганцем на небольшом выпцветшем и застиранном куске ткани лежали две лепешки, рядом высился широкогорлый кувшин, возле него огромная, как таз, голубоватая пиала.

Боевые машины пехоты, одна за другой, скрывались в теснинах вымершего кишлака. Жирные желтые клубы пыли дымились и расплзались мелкой взвесью, висели над землей, напоминая покачивающуюся непроницаемую ткань. А старик все так же был недвижим. Его порошило пылью, и людям, сидевшим на раскаленной броне, казалось, что он мертв.

– А если разведчики?

Стрекозов склонил голову набок, искоса поглядывая темно-зелеными глазами прищельцев. Ладонью взъерошил коротенький упругий ежик на голове и задумался.

Лейтенант, выкованный на примерах бескомпромиссной, незатухающей классовой борьбы, никак не мог взять сейчас в толк, отчего эти старики до сих пор живы. Ему было совершенно непонятно, как могут спокойно ходить по деревне люди, дети которых, в сущности, выступают против остальных односельчан. В этой их спокойной жизни видел взводный главный подвох для себя и своих подчиненных. Если бы высохшие, с шершавыми лицами старики сказали Стрекозову, что их бьют и преследуют, что их дома сожгли, им нечего есть, он, может, и поверил бы Мухамадиеву. А так?

Нет, было в этом всем что-то противоестественное, настораживающее и отпугивающее.

Сержант, правая рука Стрекозова, прекрасно понял сомнения, которые сейчас назойливо грызли командира.

Мухамадиев сузил чернеющие глаза, щелкнул языком в знак упрямого несогласия с мыслями лейтенанта и покачал головой.

– Это не разведка. Они – обыкновенные люди. Они думают, мы поверим, поэтому и пришли. У них наверняка фотографии сыновей есть, – предположил сержант и, не дожидаясь ответа командира, что-то сказал собеседникам.

Старики развернули тоненькие книжечки. Там, среди прочих бумажек, в самом деле, оказались фотографии.

Стрекозов держал в руках два небольших жестких кусочка картона. На них – черноусые, черноглазые, чернобровые, черноволосые мужчины в военной форме с гордо поднятыми головами.

Фото были по грудь. Но даже в этих неполных изображениях ощущались сила и уверенность в себе.

Старики, непрестанно переводя глаза с фотографий на Стрекозова, заговорили, перебивая друг друга.

Таджик качал головой, цокал языком и всплескивал руками.

– Это вот – капитан, – упирал он палец в одну из фотографий. – Служит в Кандагаре. Командир роты. Недавно ранили его. В ногу. Домой не приезжал – нельзя. Весь отпуск у родных в Кабуле был. Отец ездил к нему. Один раз.

Старик, нос которого походил на сморщенный вялый огурец, уловив слова «Кандагар» и «Кабул», радостно вспыхнул, морщинки его заходили, наползая одна на другую, вздохнул глубоко и собрался вновь длинно говорить, но Мухамадиев остановил его движением руки и взглянул на соседа. Тот, перебирая оранжевые четки и неспешно пропуская крупные зерна меж узловатыми пальцами, поглядывал на фотографию, точно желал лишний раз убедиться, что мужчина с крупными звездами на плечах – его сын, безостановочно и вроде бы совершенно равнодушно бормотал под нос, словно молитву творил.

– Сын в Кабуле служит. Командир батальона. В Советском Союзе учился. Сейчас в спецбригаде. Тоже давно дома не был. Что сделать – война, – развел руками и тяжело вздохнул, подобно старику, Мухамадиев.

Наступила пауза. Афганцы достали кругленькие металлические коробочки, раскрыли и протянули Стрекозову. Лейтенант отрицательно покачал головой. Когда насвай поплыл в его сторону, Мухамадиев, покосившись на взводного, положил правую руку на сердце и тоже отказался. Старики бросили по щепотке зеленого порошка в рот, задвигали впалыми щеками, укладывая набухшую массу под язык.

– Сейчас на чай приглашать начнут, – предположил сержант.

И угадал. Старики наперегонки закудахтали, посасывая вязкую терпкую жижицу.

– Чое нон бухури?! Чое нон бухури?!

Стрекозов и сам понял, что это означает. Однако не удержался, ухмыльнулся и хлопнул сержанта по спине.

– Все ты, Муха, знаешь!

– А как же? – расцвел таджик и задвигал плечами, разминая затекшую спину. – Что здесь, что дома – одинаково. Законы есть законы.

От прежней настороженности и холодного выжидания оставалась жалкая тающая льдинка, которая вот-вот должна была исчезнуть вовсе.

– Чайку бы хорошо, – мечтательно протянул пулеметчик Клеткин – крепкий, ширококостный детина, который таскал во взводе пулемет.

– И пожрать бы не мешало! – поддержал закадычного друга Гена Сироткин.

– Было бы неплохо.

– В самый раз.

– Точно. Похавать – это четко.

Заволновались хором солдаты. Несмотря на приказание взводного, они потихонечку стянулись к лейтенанту, прислушиваясь к беседе. Любопытство брало верх над осторожностью и опасением быть наказанными.

– Зачем тебе жрать, Сироткин? – удивился Стрекозов. – Мечешь за десятерых, а такая же доска. Только продукты зря переводишь.

– У меня все в ум идет, – глубокомысленно заметил Гена.

– Ну, если в ум, тогда другое дело, – согласился взводный.

Засмеялись, и громче всех – Сироткин.

– Товарищ лейтенант! – Со стены свесился Абрамцев. Каска напозла ему на глаза, и он мотал головой, как лошадь в жаркий день, отгоняющая настырных мух. – Стреляют! В деме-евском кишлаке бой!!!

В небольшом, тесном дворике разом наступила тишина.

Стало слышно, как где-то далеко частят автоматные очереди и безвредными новогодними хлопушками разрываются гранаты.

Стрекозов бросился к радиостанции.

– Все нормально. Нет. Помощи не надо. Сиди на месте. Я приказываю, – сквозь треск отрезал Демеев. – Надо будет – дам сигнал. Конец связи! – Капитан резко прервал разговор.

Недоумевающий Стрекозов стоял на стене дувала и старался в бинокль рассмотреть соседний кишлак. Тягучая, как вязкий кисель, густая зелень, кажущаяся к этому часу расплавленной, и серые длинные стены скрывали происходящее. Но окончательно задушить звук они не могли. Сухо трещали автоматные выстрелы, лопались гранаты, и вдобавок ко всему из кишлака поползли черные прерывистые ленты дыма. Лазоревый небосвод заволакивала плотная копоть.

Возле Стрекозова стояли солдаты, прикладывая козырьками ладони ко лбам, и быстро перебрасывались короткими фразами, стараясь угадать, что же происходит у Демеева.

Взводный спустился вниз. Старики переминались с ноги на ногу, словно земля жгла их босые ступни, и, не оставляя сержанта в покое ни на секунду, что-то лопотали, вздымая руки кверху. Наверное, призывали в свидетели самого Аллаха.

– Нет там никого. Никто нападать не будет. Не знают, почему стрельба, – талдычил одно и то же Мухамадиев, непрестанно прикусывая зубами нижнюю губу.

В демеевском кишлаке что-то с силой рвануло. Солдаты наверху, забывшие об опасности, качнулись вперед. Стрекозов, выматерившись, взлетел на стену, расталкивая подчиненных.

Над кронами деревьев заплясали блеклые, едва угадываемые лепестки пламени, которые, казалось, надували огромный черный пузырь.

– Локтионов!! – заорал Стрекозов.

Но догадливый радист уже сам выходил на Демеева.

– Зубец, Зубец! Я – Откос! Как слышишь, прием?! Не отвечают, товарищ лейтенант!! Молчат! Зубец! Зубец! Я – Откос!

Стрекозов скатился вниз, смазал ненавидящим взглядом Мухамадиева и стариков, которые съежились, пытаясь укрыться за сержантом, виновато опустив головы.

– Нет никого?! Мирные жители?! В горы ушли? У-у-у, суки!!

– Они правду говорят, – запротестовал Мухамадиев.

– Иди ты! – Двинулся на него Стрекозов, но остановился и завыл, вздирая подбородок.

– Стано-о-овись!

В считанные секунды солдаты, похватав все свое снаряжение, сгруппировались возле командира.

– Проверить оружие и амуницию!!

Через мгновение.

– Автоматы?!

– Есть! – проревел взвод, ударяя руками по оружию.

– Магазины?!

– Есть!

– Эр-дэ?

– Есть!

– За мной бегом марш! Дистанция три метра! Построение колонны прежнее!

И Стрекозов, упрямо пригнув голову, рванулся вперед, так и не взглянув на притихших, понурых стариков.

2. Стрекозов

Еще совсем недавно зеленым лейтенантом, летом, когда все соединение, включая и приبلудных дворняг – Духа с Басмачом, искало спасения от зноя под кондиционерами в модулях или тени палаток, Стрекозов, заложив руки за спину, хрипло ревел на неширокой площадке земли, заменяющей в бригаде плац: «Раз-раз! Раз-два-три!левой!левой!» А его взвод гремел тяжелыми, кажущимися с непривычки пудовыми, сапогами, проклиная сумасшедшего лейтенанта, немыслимую жару и едкую пыль, походившую на сухой цемент, плотным серым полотнищем застилавшим все вокруг.

В те времена жизнь в бригаде делилась на две половины – «война» и сплошная «расслабуха» после. А все, начиная от солдат и заканчивая комбригом, напоминали веселую вольницу анархистов, щеголявшую в трофейных американских или западногерманских куртках, китайских зеленых кепках с необъятными козырьками, в крепких с множеством карманов штанах, а нередко и джинсах. Поэтому поведение Стрекозова, напоялившего на свой взвод хабэ, которое долго без дела прело на складе, было более чем смешным.

Лейтенанта откровенно считали ненормальным, законченным продуктом типичного армейско-училищного идиотизма с его непременными номерами военных билетов, выведенными хлоркой на внутренней стороне формы, яркими бляхами и настолько начищенными яловыми сапогами, что с первого взгляда они кажутся хромовыми.

Взводные – лейтенанты, отдыхающие после четырехлетней училищной дуристики, открыто смеялись над Стрекозовым. Кто-то из них и дал ему нынешнюю кличку – Стрекозел.

Подчиненным Стрекозла было уже давно не до смеха, и они попытались устроить командиру «темную», накинув вечером в одной из палаток на голову одеяло.

Но не тут-то было. Моментально выяснилось, что отличная спортивная фигура Стрекозова не следствие упражнений с гантельками перед зеркалом, а результат многолетних занятий боксом. Взводный расшвырял «мстителей» в стороны, как щенят, и еще очень долго не выпускал их из палатки, смещая челюсти и проверяя на прочность ребра и грудные клетки.

Против первобытной физической силы особенно не попрешь, и солдаты забились в норы – зализывать раны и решать, что все-таки делать с чрезвычайно ретивым на службе и очень агрессивным в быту лейтенантом. Вывод был прост, а по тем временам и нравам, какие царили в бригаде, очень даже приемлемым.

В один из вечеров, когда толпа, как обычно, собралась за палатками – покурить «дури», потащиться и поболтать о своих насущных солдатских делах, – было подробно оговорено, как лучше на ближайших боевых лейтеху «замочить», а выражаясь человеческим, нормальным языком, застрелить.

Но боевые, которые были для Стрекозова первыми, а по тайному согласию и желанию всего взвода должны были оказаться и последними, внесли серьезные изменения в такой незамысловатый план мести.

Тогда не только взводу, но и всей роте пришлось крайне горько. Полдня провалялась она под палящим солнцем на земле, похожей на панцирь старой черепахи, среди валунов, стараясь хоть как-то спрятаться за ними от прицельного огня духов, затащивших подразделение в хитроумную ловушку. И даже у самых-самых, кто давно точил зуб на лейтенанта, было только одно желание – как можно глубже вдавиться в сухую, раскаленную землю, спрятаться, утопить себя в ней, лишь бы остаться в живых.

Ротный, потерявший всякое управление и власть над людьми, лишь матерился и сорвал голос, вызывая по радиостанции помощь. Но духи отсекали батальон, и перекрестный огонь ДШК вколотил его в землю где-то у входа в ущелье.

А рота, разрезанная, разбитая на части свинцовыми очередями, медленно сходила с ума: громко стонали раненые; живые старались забиться хоть под малейший камешек, палили из автоматов, куда ни попадя, и молили Господа, черта, сатану, Аллаха и кто знает кого еще только об одном: если и придет смерть, то пусть она будет моментальной, быстрой, безболезненной. Чтобы сразу отдать концы, свернуть ласты, сыграть в ящик, загнуться, а не мучиться с пулей в хребте, извиваясь, как ящерица, потерявшая хвост, от боли, истекая кровью и царапая ногтями гранитную землю.

И кто ведает, чем могло закончиться это избиение, если бы не Стрекозов. Он собрал гранаты у очумевших солдат, которые открытыми ртами жадно хватали воздух, и пот грязными ручьями лил по щекам, метнулся в сторону рыжих скал, бесстрастных свидетелей и прямых виновников медленной гибели роты.

Через некоторое время наверху, в гранитных изломах, ухнули разрывы гранат, затем навалилась тишина, которая тут же разлетелась на тысячи осколков от злых, бесконечно долгих очередей автомата Стрекозова.

Эта атака подхлестнула оставшихся в живых, и те ринулись вперед, карабкаясь наверх, стараясь побыстрее выскочить из смертоносной зоны огня и дотянуться до духовских огневых точек. Только в этом было спасение роты. И самый последний трус понимал: единственный шанс выжить – это пойти в атаку.

Через несколько дней, когда рота начала постепенно приходить в себя от долгих кошмарных минут, нанизанных на грохот автоматных очередей и смерть товарищей, а вертушки с цинковыми гробами и сопровождающими их до военкоматов офицерами и прапорщиками начали взмывать вверх и уходить на Кабул, Стрекозов выстроил взвод на линейке перед выбеленными солнцем палатками.

К этому моменту у солдат произошла некая переоценка личных качеств командира, и поэтому смотрели они на него без прежней злобы.

Смелость везде в цене. В Афгане – тем более. Особенно когда ты в результате чьей-то храбрости не лежишь горизонтально в вертолете с биркой на ноге, а твердо стоишь пусть на чужой, но все-таки земле.

Стрекозов долго молчал, смотрел на молодые, почти детские, безусые лица, а затем сказал, как отрезал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.